
МУРЗИЛКА
№ 9
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов
СЕНТЯБРЬ
1952



Н. АРТЮХОВА *Рис. Г. ПОЗИНА*

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Рано-рано начинают хлопать калитки 1 сентября. И кажется, что все астры, георгины и золотые шары выходят из садов за калитки, двигаются по широкой зелёной улице вместе с ребятами — к школе...

Весёлая сегодня улица. Весёлая и в то же время серьёзная, деловая. Самые серьёзные лица у тех, кто идёт в школу в первый раз.

А самый серьёзный из всех серьёзных первоклассников — Вася Нежданов.

В одной руке у Васи портфель, а в другой — огромный букет. Мама предлагала что-нибудь понести, но Вася никак не мог согласиться. С сегодняшнего дня он школьник и всё школьное должен нести сам. Сегодня даже цветы школьные.

— Что, Васютка, и ты учиться пошёл? — окликнули его знакомые четвероклассники. — Разве тебе уже семь лет?

Вася хотел ответить: «Да, мне уже давно исполнилось семь лет, ещё две недели тому назад было семь». Но слова от волнения застряли где-то глубоко в горле и не хотели выходить. Как он сможет отвечать в классе, когда такой сиплый голос?!.

У ворот зашептали новички:

— Валентина Петровна идёт!..

Учительницу Валентину Петровну Вася уже видел раньше. Она приходила ещё летом, записывала ребят, поступающих в школу в этом году.

И Валентина Петровна не только Васю, а и других ребят тоже уже знала немножко. Когда вошли в класс, она уверенно подобрала каждому подходящего соседа. Рядом с Васей, на вторую парту у окна села девочка Наташа. Голубоглазая, в тёмном платье с прямым стоячим воротничком. А на голове твёрдый, тоже стоячий, коричневый бант. Незнакомая... Должно быть, на другой улице, около станции живёт.

Потом Валентина Петровна заставила нескольких мальчиков и девочек перемениться местами, будто ещё раз перетасовала карты лото. Наконец всё затихло, и урок начался.

Вася думал, что на первом же уроке их будут учить читать и писать. Буквы он уже знал и считать умел до сорока девяти. Но оказалось, что школьнику буквы

нужны не сразу. Школьников сначала учат самым простым вещам. Например, здороваться, вставать, садиться... Впрочем, всё это было не так просто.

Дома и на улице люди говорят друг другу «здравствуйте». А в школе, когда входит учительница, нужно молча встать. Валентина Петровна объяснила это ребятам и сказала:

— Теперь я выйду из класса и опять к вам войду, а вы со мной поздоровайтесь.

И вышла в коридор. А когда вернулась, ребята вразнобой крикнули:

— Здравствуйте! — и почти никто не встал. Прямо даже стыдно, какие все оказались бестолковые.

На первом уроке учили стихи. Вася быстро запомнил слова, но когда Валентина Петровна спросила его, Вася забыл встать. В конце урока Валентина Петровна спросила его ещё раз. Вася встал, но забыл откинуть крышку парты, она упала с грохотом. Вася даже расстроился. Когда же он станет настоящим школьником? На перемене стоял у крыльца, не бегал, не играл, только смотрел, как другие ребята бегают, смеются, догоняют друг друга.

После перемены Валентина Петровна стала объяснять ребятам, что такое предложение. Вася понял довольно быстро. «Маленький мальчик», — предложение это или нет? Нет, это ещё не предложение. А вот если сказать: «Маленький мальчик учится», — это уже будет предложение.

«Предложение, — решил Вася, — когда кто-нибудь что-нибудь делает».

Валентина Петровна сказала:

— А теперь, ребята, сами придумайте какое-нибудь предложение.

Сразу поднялось несколько рук. Некоторые придумывали очень удачно:

— «Я умею играть в футбол».

— «Я ловил рыбу».

— «Мой папа работает на заводе».

Другие отмалчивались или повторяли уже сказанное раньше с небольшими изменениями:

— «Маленький мальчик учится».

— «Маленькая девочка учится».

Это было, конечно, неправильно, но ведь для того и учатся маленькие мальчики и девочки, чтобы научиться правильно отвечать!



Валентина Петровна ходила по рядам, подбадривала робких, напоминала, что нужно вставать, когда отвечаешь.

— А ты, Вася, придумал какое-нибудь предложение?

Нет, Вася ещё ничего не придумал. Очень хотелось, но пока ещё ничего не выходило. Может быть, сказать: «Я ходил в лес за грибами»? Или лучше — за земляникой?»

Рядом качнулся коричневый бант. Наташа подняла руку.

— Говори, Наташа.

Наташа заторопилась и забыла откинуть крышку парты. Ей было неудобно стоять, но это было неважно; хотелось поскорее выговорить то, что задумала.

Радостным голосом она сказала:

— Мы не хотим войны!

— Очень хорошо! — похвалила Валентина Петровна.

Вася с уважением посмотрел на соседку. Молодец, как хорошо сказала! Теперь ему не хотелось говорить ни о грибах, ни о землянике. Хотелось сказать такое же что-нибудь большое, самое главное...

К концу урока ребята стали отвечать живее, это было вроде интересной игры — кто лучше придумает? Некоторые вставали уже два раза и в третий раз поднимали руки. Но Валентине Петровне хотелось всех расшевелить, чтобы никто не сидел молчком...

Несколько раз она поглядывала на Васю. А Вася то опускал глаза, то, вздыхая, смотрел по сторонам.

Портрет на стене... Сталин чуть-чуть усмехается, как будто сочувствует Васе и хочет помочь. Вот оно большое, самое главное! У Васи загорелись щёки, рука высоко взлетела над партой.

Валентина Петровна сразу повернулась к нему, даже подошла поближе и наклонилась немного.

Вася осторожно откинул крышку парты, чтобы не стукнула. Встал. И громко, на всю комнату, произнёс:

— Я люблю Сталина!

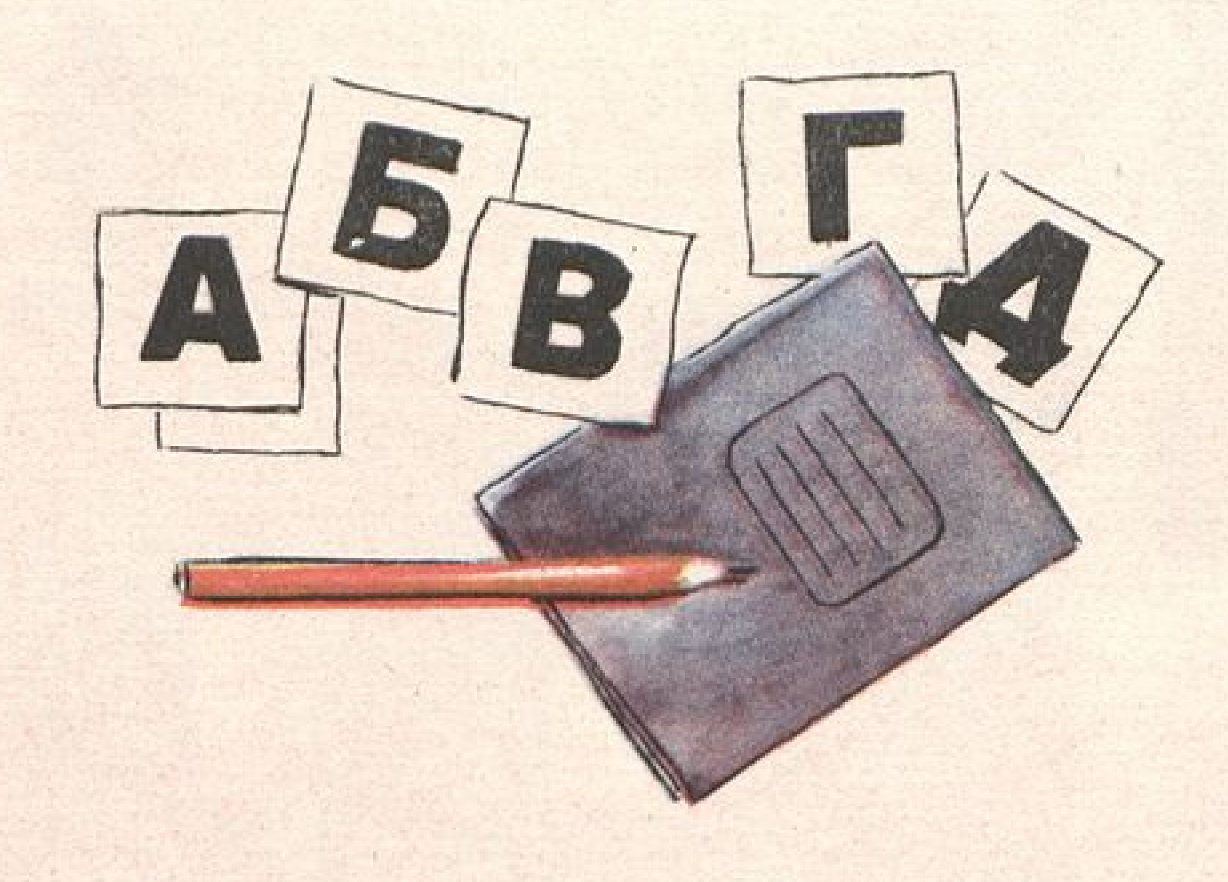
— Очень хорошо! — сказала Валентина Петровна и даже погладила Васю по волосам.

Как раз в эту минуту зазвенел звонок. Началась вторая перемена. Ребята вышли во двор. Опять во дворе всё закружилось, перемешалось, забегало...

Вася потянул за руку Наташу, стоявшую у крыльца:

— Пойдём играть!

Ему хотелось смеяться, бегать вместе со всеми. Он хорошо ответил на уроке, он чувствовал себя настоящим школьником.





СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Рис. Ю. КОРОВИНА

ХРУСТАЛЬНАЯ ВАЗА

Быль

1

Три девочки — три школьницы
Купили эту вазу.
Искали,
Выбирали,
Нашли её не сразу —
Овальную,
Хрустальную,
Чудесного стекла.
Из тех, что в магазине
Стояли на витрине,
Овальная,
Хрустальная
Она одна была.

Сперва от магазина
Несла покупку Зина,
А до угла бульвара
Несла её Тамара.

Вот у Тамары Женя
Берёт её из рук,
Неловкое движение,
И вдруг...
В глазах подруг
Туманом застилаются
И небо и земля,
А солнце отражается
В осколках хрусталя.

Три девочки — три школьницы
Стоят на мостовой.
К трём девочкам — к трём
школьницам
Подходит постовой:
— Скажите, что случилось?
— Разби... разби... разбилась!

Три школьницы рыдают
У Кировских ворот.



Подружек окружает
Взволнованный народ:

— Скажите, что случилось?
— Разби... разби... разбилась!

— Скажите, что случилось?
Что здесь произошло?
— Да, говорят, разбилось
Какое-то стекло!

— Нет! Не стекло, а ваза! —
Все три сказали сразу. —
Подарок мы купили.
Нас выбрал пятый класс.
Подарок мы купили,
Купили и... разбили!
И вот теперь ни вазы,
Ни денег нет у нас!

— Так вот какое дело! —
Толпа тут загудела.
— Не склеишь эти части! —
Сказал один шофёр.

— Действительно, несчастье! —
Заметил старый мастер.
И, на осколки глядя,
Вздохнул огромный дядя —
Заслуженный боксёр...

2

В том самом магазине,
Где вазы на витрине,
В громадном магазине
Людей полным-полно:
От лётчика-майора
До знатного шахтёра,
Кого там только нету!
А нужно всем одно!

Под звонким объявлением:
«СТЕКЛО, ХРУСТАЛЬ,
ФАРФОР»,

Большое оживление —
Идёт горячий спор:
— Пожалуйста, гранёную!
— Не эту, а зелёную!

— Не лучше ли, товарищи,
Из красного стекла?
— Вот эту, что поближе,
Которая пониже!
— Что скажете, товарищи?
Не слишком ли мала?

Шофёру ваза нравится —
Гранёная красавица.
А лётчику — прозрачная,
Как голубой простор.
— А я бы выбрал эту,
Красивей вазы нету! —
Сказал майору вежливо
Заслуженный боксёр.

3

Три юных пятиклассницы
Сидят, переживая,
Что их везёт трёхтонная
Машина грузовая.
Даёт проезд машине
Знакомый постовой,
Тамаре, Жене, Зине
Кивает головой.
А девочки в волнении,
Одна бледней другой:
В кабине, на сидении —
Подарок дорогой!

— Нельзя ли чуть потише,
Товарищ дядя Гриша? —
Водителю подруги
В окошечко стучат.
Шофёр в ответ смеётся:
— У нас не разобьётся!
У нас другой порядок —
Не как у вас, девчат!

4

Учительнице скромной
За труд её огромный,
К шестидесятилетию —
В большое торжество,
В просторном школьном зале
Три школьницы вручали
Подарок драгоценный.
Подарок?
От кого?

От штатских и военных —
Людей обыкновенных,
Простых советских граждан,
Что меж собой дружны,
От нашего народа,
Что крепнет год от года,
От пионеров,
Школьников —
От всех детей страны!





АНАТОЛИЙ АЛЕКСИН

Рис. А. ГОНЧАРОВА

ИДУТ ДОЖДИ

Идут дожди — тяжёлые южные ливни. Воздух до того влажный, что трудно дышать. Кажется, ещё немного — и потоки воды смоют маленький пакистанский городок со всеми его невысокими домиками и камышовыми хижинами.

Наступил барсад * — трудное время для тех, кому постелью служит мостовая, а крышей — бескрайное небо. У восьмилетнего Рама нет родителей, и дома у него тоже нет. Раньше он спал прямо на улице, как тысячи бездомных пакистанцев. А где ему спать теперь? Вчера мальчик укрылся от дождя под навесом фруктовой лавки, на базаре. Но сторож прогнал его, да ещё пригрозил сдать в полицию.

И сегодня, возвращаясь с фабрики, мальчик заглядывает в окна домов, трогает двери. Но все окна плотно закрыты и все двери заперты крепко-накрепко. Рам сжимает в руке горсточку риса, свой обычный ужин, и слёзы текут по его лицу. Но слёз не видно: они сливаются со струйками дождя.

Вдруг Рам останавливается возле одноэтажного белого домика. Заглядывает в окно, оно не заперто на крючок, и Рам тихонько открывает его. Он видит большую комнату. В комнате никого нет. Только длинными рядами выстроились скамейки да приткнулся в углу неболь-

* Барсад — сезон дождей. В Индии пять времён года: зима, весна, лето, барсад, осень.

шой круглый столик. А за столиком, спускаясь до самого пола, висит широкий бумажный занавес, весь раскрашенный зелёной, коричневой, голубой краской.

Кто здесь живёт? Этого Рам не знает. Может быть, хозяева домика уехали куда-нибудь далеко и не скоро вернутся? Тогда Рам может переночевать здесь. А если они не уехали и застанут Рама у себя в комнате? Они, наверное, примут его за вора.

Но мальчик так устал, так хочется убежать от дождя, так хочется ему поскорей поужинать, что он забывает обо всём. Он забирается на подоконник и прыгает в комнату.

«Спрячусь-ка я за этим занавесом», — решает мальчик. Он шагает через скамейки, оставляя на ходу мокрые следы, забирается в тёмный угол комнаты и прячется за бумажным занавесом, разрисованным разными красками. Наскоро поужинав горсточкой риса, Рам сворачивается в клубок и тут же засыпает. Крепко спится усталому человеку, да ещё под монотонную песню дождя.

...Рам проснулся от стука входной двери. Дождь продолжал гулко маршировать по крышам. В бумажном занавесе была маленькая дырочка. Рам заглянул в неё. То, что он увидел, заставило его вскочить на ноги, а потом ещё тщательнее спрятаться в углу. В комнату входил сын хозяина фабрики — толстый, заносчивый мальчишка. Он весело помахивал сумкой, из которой выглядывали книжки и тетради.

В другой руке он держал зонтик. Сын хозяина поставил зонтик сушиться, а сам сел на скамейку и стал жевать ананас. Густой сладкий сок облепил его губы и медленно стекал на толстый подбородок. Рам часто видел этого мальчишку.

Утром сын хозяина всегда спешил в школу.

Значит, уже утро. Значит, Раму давно пора быть на фабрике. Но как же он выберется отсюда?

Дверь снова хлопнула. Потом ещё, ещё раз... И уже не переставала стучать. В комнату входили мальчики — такие же толстые и довольные собой, как и сын хозяина фабрики.

Но вот дверь стукнула последний раз, и в комнату вошёл высокий мужчина в очках, с чёрной бородкой клинышком.

Все почтительно встали, а потом сели на скамейки. Рам услышал негромкие слова: «Господин учитель...»

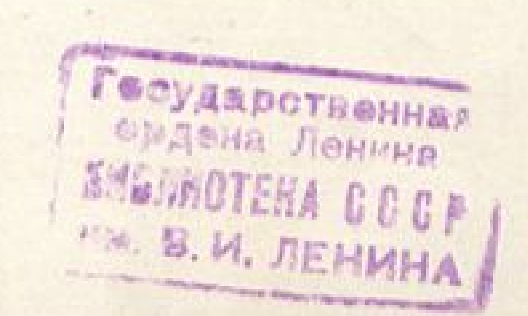
На миг радостно застучало сердце: Рам так мечтал хоть раз в жизни побывать в школе, и вот он здесь... Но в ту же минуту вспомнилось другое: пора на фабрику, пора в душный цех, наполненный жарким паром... Но как выйти отсюда? Как?

Учитель стал называть имена мальчиков, а они поднимались и снова садились, поднимались — и садились...

Потом учитель взял тонкую длинную палочку и подошёл к бумажному занавесу. Рам что было сил прижался к полу, словно хотел провалиться сквозь него, исчезнуть.



Учитель стал рассказывать о дальних странах, о реках и морях, о горах и долинах... Это был очень интересный рассказ. Рам вслушивался в каждое слово. Он ничего не знал о тех дальних землях,



о которых так подробно рассказывал учитель.

Рам уже не прижимался так крепко к полу. Он боялся пропустить, недослышать что-нибудь. Он забыл обо всём: и о фабрике и о том, что нужно тайком выбраться из этой комнаты.

Иногда учитель начинал водить тонкой палкой по занавесу, и Раму казалось, что учитель указывает на него: «Ах, вот ты где, непрошенный гость? Что делаешь ты у нас в классе?»

А потом учитель начинал шагать по классу, словно измерять расстояние от стены до стены. И Рам снова забывал обо всём: перед ним вставали полярные льды и снега, которых он не видел ни разу; проносились тонконогие северные олени, вразвалку проходили неуклюжие белые медведи... Рам не знал, сколько прошло времени, но вдруг учитель сказал: «Теперь отдохните немного». Все мальчики повскакали со скамеек и устремились на улицу. Они стали бегать по лужам, брызгаться и громко хохотать. Учитель взял зонтик и тоже вышел подышать воздухом.



Нельзя было терять ни секунды. Рам подбежал к окну, выпрыгнул на улицу и помчался к фабрике.

...На пороге цеха Рама встретил мастер. Он заложил руки за спину, и лицо у него было такое спокойное, что у Рама по спине забегали мурашки.

— Ты не пришёл на фабрику во-время. Ты посмел опоздать?! — Мастер отчеканивал каждое слово так резко, как будто стучал молотком по голове. — Нам не нужны бездельники. Много желающих поступить на твоё место!

— Я прошу вас... Я прошу... Я вас очень прошу... — тихо повторял Рам.

— Где же ты изволил шататься?

— Я был в школе.

— В школе? Ты в школе? Ты?!

Мастер раскатисто захохотал, и в ту же минуту короткий, но сильный удар выбросил Рама за порог.

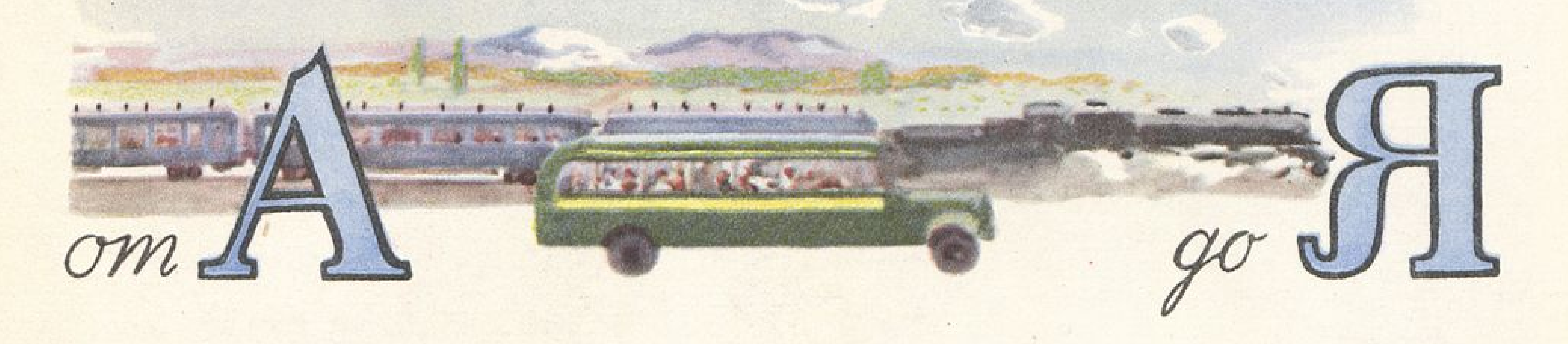
— Я тебя отучу врать! Пойди прогуляйся под дождём...

Двери цеха захлопнулись. Рам снова вышел на улицу. Куда же теперь итти? Где искать работу? Рам почему-то не думал об этом. Он вспоминал школу и чудесный рассказ учителя. Как интересно было там!.. И как дорого обошёлся Раму этот единственный в его жизни школьный урок!..

С. МАРШАК

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА, В. БЕЛЫШЕВА, Г. НИКОЛЬСКОГО

Весёлое путешествие



(Продолжение)



Р

А у кого над козырьком
Блестящий ключик с молотком,
Те учатся за партой,
За верстаком и за станком,
За чертежом и картой.

Ремёсла разные у них —
От металлистов до портных,
От радио до кройки.



Мы встретили ученика,
И на его шинели —
На уголках воротника —
Две буквы «РУ» блестели.

А на фуражке с козырьком —
Блестящий ключик с молотком.

Нам рассказали про него,
Что он уж в комсомоле,
Что изучает мастерство
В ремесленной он школе.

Им служит разный матерьял:
Сукно, и кожа, и металл.
А класс строителей сдавал
Экзамен на постройке.

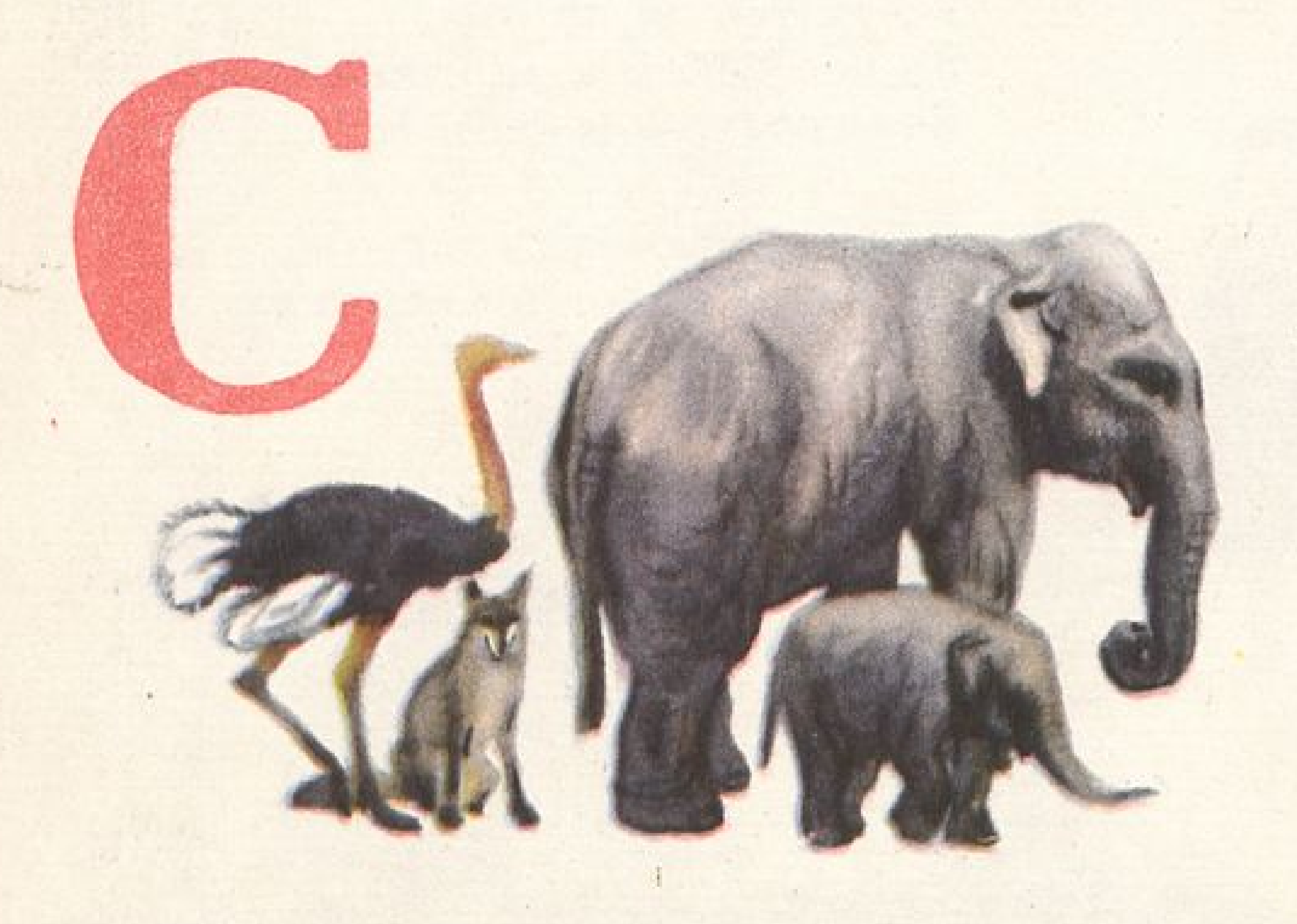




Всем этим юным мастерам
Любого званья, цеха —
Электрикам и столярам,
Наборщикам и малярам —
Желаем мы успеха!

Но слышен паровозный свист,
Садимся мы в экспресс,
И нас товарищ машинист
Доставит к букве «С».

С



У буквы «С» сажают сад
Ребята сотой школы.
К весне листвой зашелестят
Деревья-новосёлы.

Здесь будут травы, и кусты,
И тополя, и клёны.
И глянет солнце с высоты
Сквозь каждый лист зелёный.

Большой цветник разбил отряд
Соседней женской школы.
Пускай летят из сада в сад
Через дорогу пчёлы!

Пусть блещет каждый сад
и сквер
Своим цветным нарядом.
Пусть будет весь СССР
Сплошным цветущим садом!

У буквы «С» — сосновый бор.
Сосна к сосне, как на подбор.

Спилили толстые стволы
И в доски превратили,
А столяры из них столы
И стулья сколотили.

А самый стройный, гибкий ствол
Служить на парусник пошёл
И мачтой в синем море
Гуляет на просторе.

Есть по соседству зоосад.
Там за решётками оград
Живут сычи и совы,
Синицы, страусы, сурки,
Слоны, горбатые быки,
Косматые коровы.

Пасётся северный олень,
И соболь спит на полке,
И, как собаки в жаркий день,
Сидят, скучая, волки.

Трусливый суслик у стены
Снуёт, шурша в соломе.
Стоят огромные слоны
В своём высоком доме.

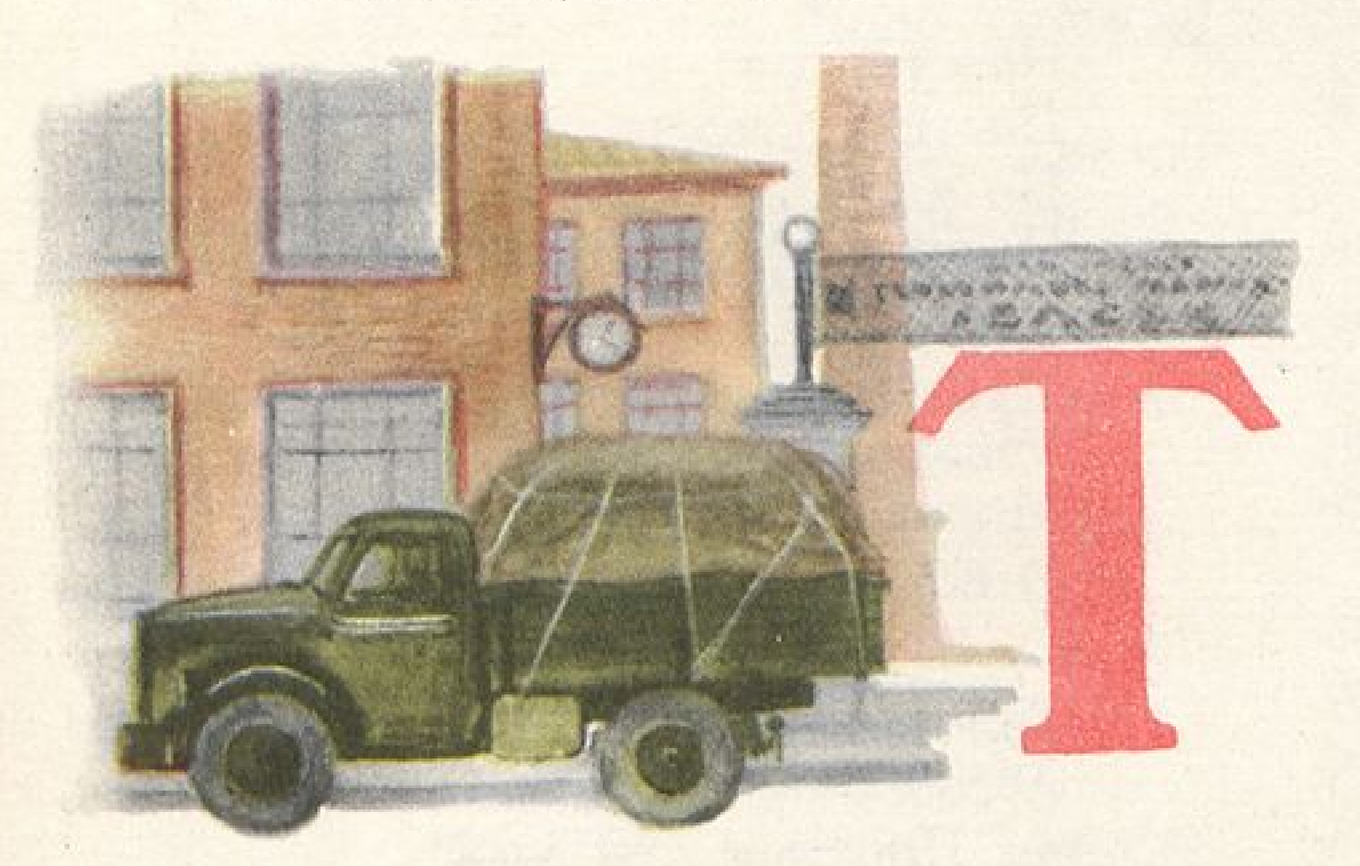
Спокойно смотрит старый слон
И хлопает ушами.
А ходит слух, что ночью он
Дрожит перед мышами.

Вон за решёткой — голова
И лапы дремлющего льва.
Он ждёт, зевая, часа,
Когда получит мясо.

Вот уши серые торчат
Откормленного зайца.
А там семейство медвежат
На сене кувыркается.

Висит, качаясь на хвосте,
Смешная обезьянка.

Но нам пора на букву «Т».
Бежим до полустанка!



У буквы «Т» — огромный дом.
Пять этажей просторных в нём.
Здесь ткут из пряжи ситцы
Ткачихи-мастерицы.

У каждой — множество станков,
И только поглядите,
Как много ходит челноков,
Переплетая нити.

Ткачихи зоркие следят,
Чтоб не порвалась нитка.
Они на тысячу ребят
Сегодня ситца выткут.

Потоки ткани со станков
Сбегают, точно в сказке.
Да только ситец не готов,
Покуда он без краски.

В печатный цех за ним идём,
Где медный вал в машине
Узор печатает на нём —
Зелёный, красный, синий.

Мы так давно с тобой в пути.
Скучают наши мамы.



На телеграф бы нам пойти,
Послать им телеграммы!

Нам из окна телеграфист
Даёт бумажный синий лист,

И пишем мы три слова:
«Здоровы, будь здорова».

За телеграмму с нас берут
Положенную плату,
А через несколько минут,
Стуча ключом, передают
Слова по аппарату.

Стучат, как дятел по коре,
И ставят точки и тире.

Нам говорят, что через час
Доставят телеграммы.
Но мама не услышит нас...
Поговорить бы с мамой!

Пред тем, как тронулся вагон,
Успели на минутку
Мы забежать на телефон.
И вот зовут нас в будку.

Телефонист даёт Москву,
А говорим мы сами.
— Прощай! Мы едем
к букве «У»! —
Кричим мы в трубку маме.



(Продолжение следует)

А. МУСАТОВ *Рис. В. ВЫСОЦКОГО*

БРАТЬЯ

Серёжа пошевелил головой и открыл глаза. Комната была залита солнцем. Мальчик сбросил одеяло и вскочил.

Отца и матери в избе не было — они уже ушли в поле. Пустовала и Борина кровать.

«Так и есть, — догадался Серёжа, — опять не разбудил... без меня ушёл».

Ему стало до слёз обидно. У всех братья как братья: Димку Волошина брат обучил плавать сажёнками, Петя Карпенко уже сколько раз ходил с братом в рощу за орехами и за грибами, а вот у Бори на всё один ответ: «Со мной нельзя, я иду далеко, а ты ещё маленький, устанешь». А какой же Серёжа маленький? В этом году он пойдёт в школу и будет учиться в первом классе. Отец с матерью уже купили ему ранец со светлым замочком, стопку тетрадей и красивый пенал для ручки и карандаша.

Только один Боря продолжает считать Серёжу малышом и никуда с собой не берёт — ни в лес, ни в поле, ни на речку.

Вот и вчера. Боря привёл в избу своих приятелей и долго шептался с ними. Он говорил, что скоро первое сентября, а коллекция камней — подарок для школы — у них полностью не готова. Надо ещё раз пойти в горы...

Услыхав о подарке для школы, Серёжа попросил брата взять его с собой. Он будет помогать собирать камни. Он тоже хочет принести в школу подарок. Мальчик так горячо упрашивал, что за него даже вступилась мать:

— Возьми ты его, Боря... Пусть привыкает!

— Ладно,— буркнул Боря.— Утром будет видно.

Серёжа решил, что брат согласен.

И вот уже утро, вовсю светит солнце, а Бори нет. Значит, ушёл в горы и его не разбудил.

«А я всё равно пойду! — решил Серёжа. — Мне даже сама мама позволила».

Он быстро оделся, сунул в карман кусок хлеба и выбежал на улицу.

Борю и его троих приятелей Серёжа догнал за околицей села. Серёжа шагал с таким решительным видом, что старший брат не осмелился вернуть его. Он только предупредил:

— А ты знаешь, куда мы идём? До самого Большого камня. Смотри — заплачешь...

Серёжа принялся уверять, что он дойдёт куда угодно, и ныть не будет, и пить не захочет, и домой не запросится.

— Шагай тогда, — недовольно согласился Боря. — Дело твоё.

Ребята долго шли полевой дорогой.

Потом поле кончилось, дорога перешла в узкую каменистую тропку. Началось предгорье.

Наконец ребята добрались до Большого камня, покрытого лишайниками. Когда все немного передохнули, Боря сказал:

— Начнём отсюда! Только далеко не расходиться.

Ребята принялись собирать камни. Серёжа не отставал от Бори с товарищами.

Он карабкался по крутым склонам, забирался в пещеры, рылся в каменных осыпях, успевал побывать там и тут. Через какие-нибудь полчаса его карманы были полны камней.

Серёжа показал их брату.

— Не подойдут! Такой у меня уже есть... И такой есть! — заявил Боря, мельком перебирая камни и отбрасывая их в сторону. — Ты не каждый камень хватай. С толком ищи!

Серёжа приуныл. Если бы только он знал, как надо собирать с толком! Но брат такой сердитый, что его боязно даже расспрашивать.

Серёжа повздыхал, подумал, попил холодной воды из родничка и вновь принялся за поиски.

Теперь он решил собирать только самые редкие, красивые камни.

Но мальчику не везло. Какой бы камень ни показал он Боре, тот говорил, что «такой у него уже есть», и отбрасывал камень в сторону.

«Кружимся на одном месте, вот и камни у всех одинаковые», — подумал Серёжа и, отстав от ребят, направился в сторону. Он продрался сквозь густой кустарник, перелез через поваленное бурей дерево и оказался у края ущелья.

Оттуда потянуло свежестью, влажной травой. Цепляясь за ветви кустов и выступающие из земли камни, Серёжа начал спускаться в ущелье. Неожиданно камень под его рукой дрогнул и с шумом покатился вниз. Лишившись опоры, Серёжа упал и тоже было покатился вниз, но во-время успел схватиться за куст терновника. Колючая ветка расцарапала ему руку. Серёжа подул на царапину и, наконец, с большим трудом спустился на дно ущелья. Здесь, среди камней, бурля и пенясь, бежал горный ручей. Но камни были неинтересные — неуклюжие, серые. Для коллекции они, конечно, не годились.

Только один камень привлёк внимание мальчика. Он был угловатый, зернистый, желтовато-бурого цвета. Камень ему понравился. «Наверное, у Борьки нет такого», — подумал Серёжа и, подняв тяжёлый булыжник, отбил от камня небольшой осколок.

Издалека донёсся встревоженный голос старшего брата.

— Я здесь... Я сейчас! — закричал Серёжа. Он сунул в карман осколок камня и полез вверх.

— Ты где был? Ты почему у Большого камня не сидишь? — набросился старший брат на Серёжу, когда тот выбрался из ущелья.

Серёжа протянул брату желтовато-бурый камень.

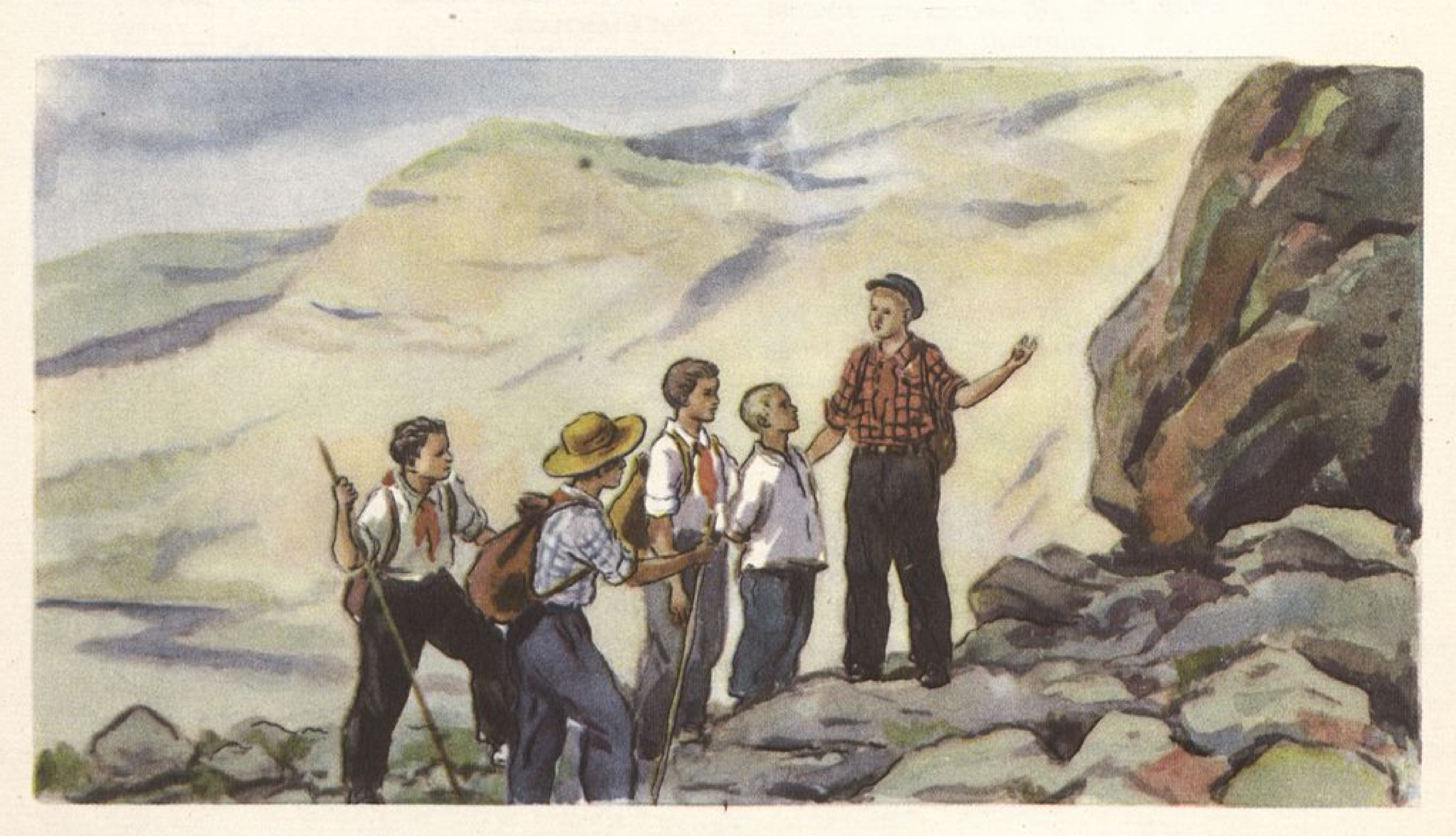
— Ты посмотри, что я нашёл. Возьми в коллекцию!

Но Боре было не до камня. Он заметил расцарапанную Серёжину руку и рассердился ещё больше:

— Так и есть! Ссыпался... Беда мне с тобой!

Он выбил у Серёжи из рук камень, схватил брата за плечи и принялся осматривать его голову, шею. Серёжа вырвался и, сердито засопев, нагнулся за камнем.

— Ну ладно, ладно! — поморщился Боря. — Возьму, так и быть. Только не реви! Знаю я тебя...



Он взял у Серёжи камень и небрежно сунул его в рюкзак.

* * *

Первого сентября братья пришли в школу: Серёжа — в первый класс, Боря — в четвёртый.

Когда прозвенел звонок, учитель Александр Петрович спросил четвероклассников, как они провели лето.

Ребята один за другим подходили к учительскому столу. Кто показывал Александру Петровичу засушенные цветы и травы, кто жуков и бабочек, кто семена растений.

Дошла очередь до Бори. Он поставил перед учителем фанерный ящик с коллекцией камней и принялся объяснять, где какой камень был найден.

— Добрая коллекция! — похвалил Александр Петрович и, вдруг взяв в руки желтовато-бурый камень, внимательно его осмотрел. — А этот откуда?

— Да это так, — махнул рукой Боря. — Бросовый камень... неинтересный...

— Почему же неинтересный? — возразил Александр Петрович и, достав перочинный ножик, пошаркал лезвием о камень. — Отличный камень! Любой инструмент можно точить. Надо будет показать его колхозникам. Им нужен хороший точильный камень. — И учитель спросил Борю, может ли он показать то место, где был найден камень.

Боря переглянулся с приятелями.

— Серёжу надо спросить, — тихо сказал он. — Это его находка.

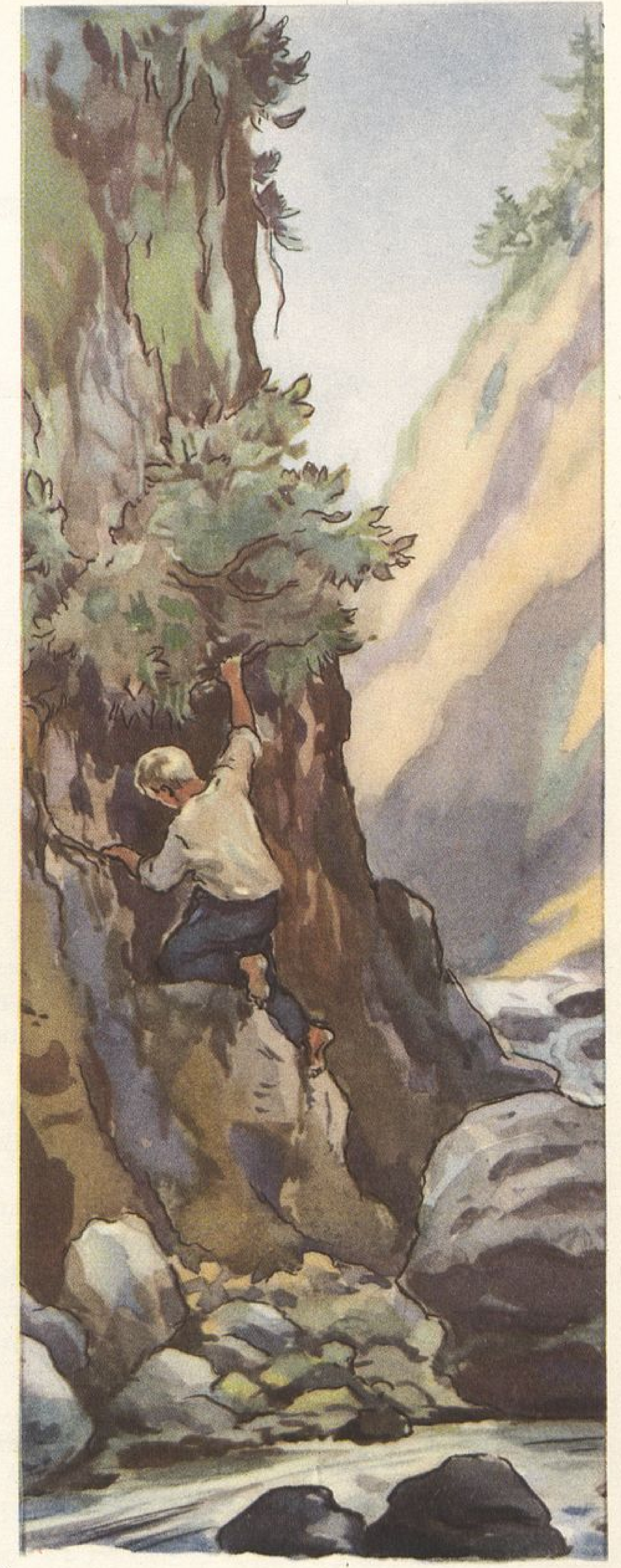
— Вот как! — удивился учитель. — Значит, коллекцию ты собирал вместе с братишкой? Очень хорошо!

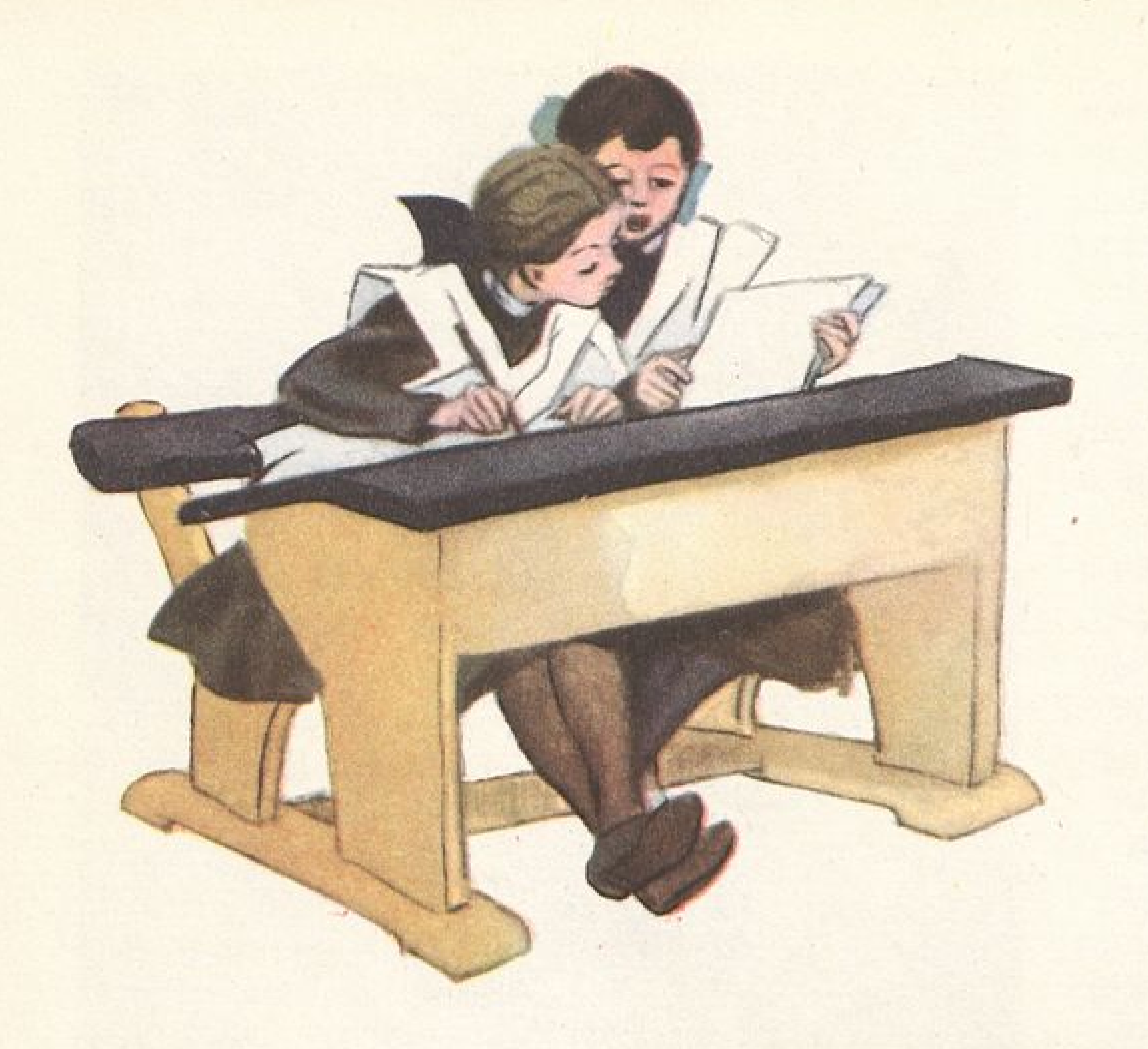
Боря покраснел, потупился и ничего не ответил.

— Тогда мы так сделаем, — сказал Александр Петрович. — В воскресенье всем классом отправимся в горы. Серёжа у нас будет за проводника. Разведаем месторождение точильного камня и потом обо всём расскажем в колхозе. Согласны, ребята?

Все охотно согласились.

А учитель взял синий карандаш и жирно написал на фанерном ящике: «Коллекция Бори и Серёжи Денисовых».





Г. БОЙКО

Рис. В. ГОРЯЕВА

МАРИНКА И ГАЛИНКА

Сегодня Маринка
Уроков не знала,
Задачки она
У Галинки списала.

Заданье запомнив
С грехом пополам,
Подружки из школы
Пошли по домам.

Маринка, довольная,
Так рассуждала:
«Я нынче у Гали
Уроки списала.

Так что же я
Браться за дело спешу?
Я снова задачки
У Гали спишу!»

Галинка уроков
Готовить не стала.
«Маринка уроки
Сегодня списала.

Так что же задачки
Решать я спешу?
Возьму и сама
У Маринки спишу!»

Наутро у школы
Друзья повстречались.
Сначала друг дружке
Они улыбались.

Сказала Маринка:
— Позволь мне урок
Списать у тебя
И на этот разок!

Галинка заплакала:
— Что за несчастье!
Сама у тебя
Собиралась списать я!

* * *

Наталья Петровна
Маринку спросила,
Наталья Петровна
Галинку спросила.
Перо обмакнула
И, к общей печали,
Две двойки
поставила
В классном журнале.

* * *

Вы добрый совет мой
Послушайте, дети:
Не будьте похожи
На девочек этих!

Кто смотрит частенько
Соседу в тетрадь,
Тому неприятностей
Не миновать!

Перевела с украинского
В. Тушнова



БОРИС ЕМЕЛЬЯНОВ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

ХРАБРОСТЬ



Маленькая Наденька заболела. С утра она загрустила и немножко покапризничала. Принесли градусник, температура оказалась повышенной, и Наденьку уложили в постель. В кровати она лежала тихо и молча смотрела в потолок блестящими от жара глазёнками.

— Да, — говорила она. — Да! — и потихоньку изредка всхлипывала.

— Ну, что тебе, беленькая? — спрашивали домашние. — Что болит, хорошая?

Сколькому ещё надо учить такую маленькую девочку!

Не надо дразнить гусей. Об этом знают все мальчишки и девчонки.

А вот маленькая Наденька не знала.

Вчера вечером она проходила мимо городского пруда, возле которого отдыхали на траве детдомовские гуси, и сказала гусям ни с того ни с сего: «Фью! Фью!»

Большой белый гусь зашипел и позмеиному, нехорошо и злобно, вытянул вперёд свою длинную шею.

Леночка Некрасова, старшая Наденькина подруга и главная гусятница детского дома, лежала в это время в траве и читала книжку про снежную королеву. Она не видела ни Наденьки, ни гусей — так увлеклась чтением.

Молодые гуси близко пододвинулись к большому гусю и тоже вытянули вперёд шеи.

Наденька никак не могла остановиться. Бывает так: знаешь, что делаешь нехорошо, а остановиться не можешь. Точно тебя кто толкает под руку или дёргает за язык.

— Фью! — сказала Наденька в третий раз, и гуси, как по команде, захлопали крыльями, закричали: га-га! — и все вместе бросились на Наденьку. Большой белый гусь ударил её крылом по спине, а самый маленький гадкий гусёнок больно ущипнул за ногу. Наденька закричала.

Леночка услышала крик, бросила книжку и кинулась выручать подругу. Гуси, завидев хворостину в руках своей начальницы, мигом разлетелись в разные стороны и, от греха подальше, залезли в пруд.

Наденька долго не могла успокоиться и до сумерек сидела одна на берегу пруда. Там она, наверное, и простудилась.

Конечно, ей было очень обидно. Почему-то гуси не бросаются очертя голову на Леночку... Все ребята стали большими. Только она одна не может вырасти и теперь вот бестолку лежит в кровати!

Дверь отворилась, и в комнату вошла незнакомая докторша в белом халате.

— Здравствуйте! — сказала она. — Нехорошо, когда болеют такие большие девочки.

— Это меня под одеялом не видно, какая я есть, — ответила Наденька хмуро.

— Ничего, не волнуйся, вырастешь, — сказала докторша. — Как тебя зовут? Надей? Садись, Надежда, попрямее, ближе к свету. Высунь язык и скажи: а!

— Очень хорошо, — похвалила её докторша. — Видишь, как всё идёт хорошо. Дыши глубже. Не дыши!

— Горло у меня не болит, — сказала Наденька. — Кашля нет.

— Ну, тогда о чём грустишь, девочка? — сказала умная докторша и уселась поудобней на стуле. — Рассказывай всё по порядку.



И Наденька всё ей рассказала. Про гусей, про Леночку и про самого маленького гадкого гусёнка...

Докторша внимательно выслушала Наденькин рассказ.

— Незачем было к ним приставать, к гусям, — сказала она под конец. — Не такие уж они плохие. Про гусей рассказывают, что они бывают очень умные.

— Мало ли кто что про них рассказывает! — воскликнула Наденька возмущённо. — Они очень злые и нехорошие птицы. Он меня сзади кусал за ногу, этот гусёнок!

— Сзади? — сказала докторша улыбаясь. — Очень нехорошо. Но и бояться гусей не следует. Что это — орлы, львы, тигры? Зря испугалась, трусишка. Ты ведь всё-таки человек, а не заяц. Посмотри, какие храбрые и хорошие вокруг тебя живут люди. Подумай об этом получше. Ну, и до свиданья, девочка. Будешь пить три раза в день горькую микстуру и сладкие порошки и через три дня выздоровеешь.



Докторша ушла. Наденька осталась в комнате одна, наморщила лоб и закрыла глаза. Так думалось легче.

Конечно, она человек, а не птица. Если сообразить хорошенько, то даже и не очень маленький человек.

Наденька приподнялась на кровати. Самый большой гусь всё равно в четыре раза меньше, чем она, а этот гусёнок-щипун, наверное, в восемь раз меньше. Трусиха! Очень нехорошее и обидное слово.

Наденька думала долго, до самого вечера, думала на другой день...

Через три дня она действительно выздоровела и отправилась на пруд.

— Эй, ты! — сказала она старому белому гусю. — Это я. Здравствуй!

Гусь вытянул шею, но не зашипел и посмотрел на Наденьку задумчиво и с подозрением.

— Фью! — сказала Наденька и сделала шаг вперёд.

— Га-га-га! — тревожно загоготали молодые гуси. — А ну-ка, давайте ей покажем, друзья!

— Гу-гу, молодёжь, не трогайте эту девчонку, — сказал старый гусь и распустил своё огромное белое крыло, загораживая им Наденьку. — Неужели вы не видите, как храбро блестят глаза у этой маленькой озорницы? Отойдите от неё, гусята! Только трусов можно щипать безнаказанно.

Старый мудрый гусь отвернулся в сторону, почистил клювом свои и без того белоснежные перья и тихо спустился в пруд. За ним последовали молодые гуси.

На воде они долго дремали, похожие издали на лебедей, а Наденька гордо и неустрашимо смотрела на них с берега.

АВТОБУС

Е. БЛАГИНИНА

Автобус мягко катился по асфальту, низко гудел, и Алёша наслаждался, сидя на кожаном диване. Одно только не нравилось Алёше — капли на потолке. Их нависло там множество, и Алёше хотелось как-нибудь стереть или смахнуть эти капли.

— Дедушка, — сказал Алёша, — ведь потолок испортится от воды?

— А как же!

— Ведь жалко, если потолок облупится! — сказал Алёша.

— Конечно, жалко, — сказал дедушка.

Алёша помолчал.

— Дедушка, а разве нельзя что-нибудь придумать, чтоб он не портился?

— Наверно, можно, а там кто ж его знает...

Алёша опять помолчал.

— Дедушка, а помнишь, у нас на терраске тоже капли нависли, а ты открыл лаз на чердаке, и вода перестала капать...

— Ну, помню. Дальше что?

— Значит, если провертеть дырки в крышке, и тут не будет капать?



— Да есть, милок, дырки, есть! — сказала кондукторша и открыла маленькие решёточки вентиляторов.

Народ в автобусе стал улыбаться, а один гражданин сказал:

— Бережёшь своё добро, сынок? Правильно делаешь. Молодец!



ЧИК-ЧИК НОЖНИЦАМИ



Е. ИЛЬИНА

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

Жила-была девочка. Как-то раз говорит она своей бабушке:

— Ты всё шьёшь, шьёшь, а мне не даёшь. Я хочу сама себе сшить платье.

— Ну и шей, — сказала бабушка. — Только сперва не себе, а кукле.

Достала она из ящика комода кусок ситцу, катушку, иголку, маленький напёрсток, ножницы и говорит:

— Ну, теперь у тебя всё есть: и материя, и ножницы, и напёрсток, и нитки, и иголка. Одного только нет — уменья.

— Чего нет? — спрашивает внучка.

— Уменья.

— А откуда же ты знаешь, бабушка, что нет? Я же ещё не пробовала.

— Раз не пробовала — значит, и нет.

— А что нужно, чтобы было уменье?

— Терпенье. Вот подожди, я тебя поучу.

— Ну, ещё ждать! — говорит внучка. — У меня же терпенья нехватит!

— Значит, не будет и уменья. Ну ладно, шей. Только запомни: семь раз отмерь, один раз отрежь.

Ушла бабушка, а девочка сделала всё наоборот — семь раз отрезала, один раз отмерила. Вышло два рукава, два карманчика, кушачок, воротничок и бантик. А платья не вышло.

«Ладно, — думает девочка, — платье не вышло, передник выйдет. Карманчики и на передник пригодятся, кушачок — тоже. Только воротничок ни к чему, да это не беда! А если кукле не понравится, так она ведь ничего не скажет».

Возилась-возилась девочка, да, видно, из двух рукавов и кушачка передник не сошьёшь.

«Может, трусики выйдут? — думает. — Сошью два рукава вместе — вот тебе и трусики! Большой кукле не подойдут — маленькой пригодятся».

Сшила два рукава вместе, а трусов не вышло.

«Ладно, — думает девочка, — надо шить чепчик. Из одного рукава — донышко, из другого — оборочку. А бантик — сверху».

Сшила девочка, семь раз на кукле примерила — не получается чепчик.

— Ладно, — говорит она своей кукле, — до сих пор была без чепчика, обойдёшься и потом. Лучше я тебе платочек сошью.

Молчит кукла — значит, согласна.

Разрезала девочка лоскуточки пополам, да не из всякого лоскуточка платочек выходит. Кривые вышли платочки.

В это время бабушка вернулась.

— Ну, как дела? — спрашивает.

Молчит внучка. Посмотрела бабушка и сама увидела.

— Что же ты, — говорит, — материю всю, как лапшу, изрезала?

— А что из такой материи сошьёшь? — говорит девочка.— На платье слишком узка, на передник широка, на трусики тонка, на платочки велика... Ничего у меня не вышло. Только чик-чик ножницами выходит, а больше ничего!

Засмеялась бабушка.

— Чик-чик? — спрашивает.

— Чик-чик.

— А я и раньше это знала. Где нет терпенья, нет и ученья. Нет ученья — нет и уменья.



На обложке рисунок В. Щеглова „За уроками“.

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, Е. МАРТЬЯНОВА, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор О. Камнин *Рукописи не возвращаются* *Техн. редактор Л. Волкова*

Год издания двадцать восьмой Цена 1 руб. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06. А03926 Подписано к печати 28/VII 1952 г.
2,8 уч.-изд. л. Бумага 60×92$^1/_8$=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 250 000 экз. Заказ 1562

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская, 21.



НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ОХОТНИК

Рис. В. КОНАШЕВИЧА

Посмотрите, сколько вокруг всякой птицы, а „охотник“ её не видит. Может быть, вы ему, ребята, поможете разыскать притаившихся в камышах и на болотных кочках птиц? Их всего десять.